Лилианна Роуз

Магия дракона помнит чужие руки

Цена прикосновения

Лилианна Роуз

Магия дракона помнит чужие руки Цена прикосновения

«Автор»
2026

Роуз Л.

Магия дракона помнит чужие руки Цена прикосновения /
Л. Роуз — «Автор», 2026

Мне сорок пять. В другом мире я открыла прокат и вложила почти все сбережения в двенадцать магических помощников. Красивые вещи. Убедительный мастер. Дракон, с которым я даже сумела поторговаться.А потом его чудесный прибор порвал шелк прямо на показе.Теперь Теобальду Ренну придется заглянуть в мой прокат и выслушать все, что я думаю о его изобретениях. Желательно не улыбаться при этом. Мне и без того трудно помнить, зачем я позвала его снова.Но чем внимательнее он меня слушает, тем страшнее рассказать об одной жалобе, о которой я промолчала. К отправке по реке уже готовится новая партия его приборов. Мои клиенты уже ждут объяснений. А мужчина, с которым так легко спорить о работе, приглашает меня на вечер без единого образца на столе.Кажется, именно с этим предложением будет сложнее всего.

© Роуз Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не трогайте рычаг 5
Глава 2. Вещь после возврата 9
Глава 3. Второй человек 13
Глава 4. Слишком удачная проверка 17
Глава 5. Место рядом 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Лилианна Роуз
Магия дракона помнит чужие руки Цена прикосновения

Глава 1. Не трогайте рычаг

— Не трогайте рычаг! — крикнула я, когда голубое полотно поползло под медную планку.

Мужчина у помоста услышал только последнее слово. Его ладонь уже легла на рукоять. Я перехватила запястье, толкнула руку в сторону и сунула под край стола свой деревянный футляр. Медная планка легла на него с таким хрустом, что зрители отступили разом.

— Это был мой лучший футляр, — сказала я.

Полотно перестало двигаться. Я вытянула красный штырь из гнезда сбоку. В маленьком стеклянном окне погасла золотая искра. Только тогда мужчина выдернул зажатую ткань и поднял ее перед собой.

От края к середине тянулась рваная полоса.

За моей спиной кто-то присвистнул.

— Зато теперь вы знаете, что это настоящий шелк, — заметил зритель.

— А вы сейчас узнаете, сколько он стоит, — отозвалась женщина с корзиной образцов.

Я держала в руке красный штырь и очень старалась не думать о том, что такой же складыватель второй день стоял в доме Северы Дорн, в трех часах езды от города. Я сама отвезла его, показала настройку и пожелала удачной работы. Улыбнулась еще. Хорошо, уверенно улыбнулась.

— Отойдите от стола.

Голос был негромким. Мне пришлось повернуться, чтобы увидеть, кому именно он принадлежит.

Теобальд Ренн спускался с помоста без обычной своей неторопливости. На светлом жилете у него болтался обрывок голубой нити. Наверное, он успел зацепить полотно, пока показывал, как его новый помощник складывает ткань в ровные стопки. Я видела всю демонстрацию: дракон задал движение, сменил длинную полосу на короткую, пригласил хозяйку шелка попробовать самой. Медная планка прошла привычный путь и не остановилась там, где должна была.

Я знала этот короткий, нехороший рывок.

— Вы велели отойти мне или всем? — спросила я.

— Вам. Не нужно вытаскивать размыкатель под нагрузкой.

— Поэтому я и подставила сначала футляр.

Он посмотрел под стол. Потом на мою руку. На запястье оставался красный след: я все-таки неудачно просунула руку между рукоятью и стойкой.

— Вы могли прищемить пальцы.

— Уже не могла смотреть, как их туда сует ваш помощник.

Помощник, тот самый мужчина у стола, обиженно выпрямился. Он был моложе нас обоих, одет слишком нарядно для такой работы и явно рассчитывал сегодня только раздавать листки с ценами.

Теобальд повернулся к нему:

— Уберите зарядные камни. Все три. И ничего пока не включайте.

Это мне понравилось. Меньше понравилось то, как он забрал у меня размыкатель: двумя пальцами, словно я держала его за неправильный конец.

— Вы Аделина Мартова.

— А вы помните покупателей.

— Я помню человека, который полчаса торговался за двенадцатый прибор.

— И получил его по той же цене, что остальные одиннадцать.

— Именно это я и помню.

Он посмотрел на разрушенный футляр. На его лице ничего не изменилось, но у виска, под темными волосами, проступили две узкие чешуйки. Три недели назад, когда я выбирала товар в мастерской, они показались мне серебряными. Теперь были серыми, как сталь.

Мне сорок пять лет. Я давно умела отличать симпатичного мужчину от хорошей покупки. Но в тот день, признаюсь, отделить одно от другого оказалось труднее обычного.

— Господин Ренн, — сказала хозяйка шелка. — Кто мне за это заплатит?

Он тут же повернулся к ней.

— Мастерская. Покажите остаток и скажите длину испорченного отреза.

— Всего отреза. Платье из двух половинок я заказчице не сошью.

— Тогда всего отреза.

Женщина приготовилась спорить и даже немного растерялась. Я же вдруг заметила, что зрители не расходятся. Люди пришли на утренний показ домашних чудес, а получили порванный шелк, сердитую торговку и незнакомую женщину, которая остановила показ деревянным футляром. Бесплатное развлечение. Я бы тоже осталась.

— Вы сейчас скажете, что ткань неправильно положили? — спросила я тише.

— Я скажу это, если ее неправильно положили.

— А если не в ткани дело?

Он поднял глаза.

Вблизи они оказались совсем не черными, как мне запомнилось, а темно-карими, со светлым кольцом вокруг зрачка. Я вдруг подумала, что этот мужчина, наверное, умеет смотреть так, что собеседник сам отдает ему последнюю разумную уступку. Потом вспомнила двенадцатый прибор и выпрямилась.

— У меня есть возвраты, — сказала я. — Я хочу, чтобы вы их посмотрели.

— В мастерскую можно прийти каждый день, кроме выходного.

— Я не хочу тащить вам вещи, чтобы вы по одной включили их на пустом столе и объяснили, как все прекрасно работает. Придите ко мне.

— У вас нет места для испытаний.

— А вы были?

— Вы описывали помещение.

— Когда спрашивала, хватит ли девяти шагов от стены до двери. Вы сказали, что вашим приборам не нужен отдельный двор.

Он медленно вдохнул. За его плечом помощник складывал камни в мягкий мешок. Хозяйка шелка пересчитывала обрезки, не позволяя никому их трогать.

— После полудня, — сказал Теобальд. — Назовите адрес.

Я назвала.

— У Рыбного спуска?

— На Сухой улице. Это рядом, но звучит лучше.

Он все-таки улыбнулся. Очень быстро. Так, что я едва успела заметить, и почему-то именно эта короткая улыбка разозлила меня сильнее прежней уверенности.

— Принесите свой футляр, — добавил он.

— Зачем?

— Я заменю его.

— Он не из вашей мастерской.

— Зато сломался из-за моего прибора.

Я не нашла, что на это возразить. Подняла со стола обе половины деревянной крышки, сгребла рассыпавшиеся внутри шилья, ножницы, бечевку. Теобальд придержал край, чтобы мелочи не свалились на мостовую. Его пальцы оказались совсем рядом с моими, и я увидела на большом пальце свежую полоску темного лака. Не безупречный хозяин красивой мастерской. Человек, который сегодня что-то делал руками.

От этого стало не легче.

Я уже успела положить в его приборы почти все деньги, заработанные за девять месяцев в Эрдене. Еще раз вкладываться в красивое впечатление не собиралась.

Когда я вынырнула из толпы, у арки меня ждала Эльма Саррен. Моя помощница держала под мышкой узкий ящик и смотрела так, словно я опоздала на собственную свадьбу, не предупредив жениха.

— Ты обещала просто посмотреть, — сказала она.

— Я посмотрела.

— Слышала с той стороны площади.

— Зато он придет.

Эльма перевела взгляд на остатки футляра.

— Это вместо приглашения?

— Вполне действенное средство.

Она забрала у меня ящик с инструментами. Я позволила. Эльма была на три года младше, носила волосы коротко, потому что не любила тратить на них утро, и умела поднимать одной бровью такую волну неодобрения, что никакая драконья чешуя не требовалась. Взяла я ее не ради этого. До меня она заведовала кладовой у торговца стеклом и помнила, кому что выдали, даже когда записи оставались дома.

— Нерина приходила, — сказала она.

У меня внутри неприятно стянулось.

— За деньгами?

— За тобой. Велела зайти к ней, пока не ушла покупательница. У нее вращатель опять тянет не туда.

Я остановилась посреди улицы. Позади кто-то споткнулся о корзину и выругался. Эльма взяла меня за локоть и отвела под стену.

— Опять? — переспросила я.

— Она сказала именно так.

Первый раз Нерина пожаловалась на складыватель. Не на вращатель. Разные вещи, разные движения. Я цеплялась за эту разницу, как за перила на незнакомой лестнице.

— Ты попросила ничего не включать?

— Конечно.

— И камень вынуть?

— Аделина, я не вчера научилась закрывать ящики.

Я кивнула. Мне хотелось немедленно побежать к Нерине, но в прокате оставался один покупатель, а Эльма несла его возврат. Нужно было хотя бы запереть дверь. Потом дождаться Ренна. Потом объяснить, почему я потребовала осмотра именно сегодня.

Не рассказывать о Северином приборе до тех пор, пока не пойму, что происходит, казалось очень разумной мыслью.

Я узнала ее слишком быстро: той же мыслью я успокоила себя два дня назад.

— Давай сначала домой, — сказала я.

— В прокат.

— Да. В прокат.

Эльма не стала поправлять меня второй раз. Над нами звякнул колокольчик: по крытой галерее проехала тележка с чистыми корзинами. Ее толкала пожилая женщина, а маленькая медная лапка на ручке каждые несколько шагов переставляла груз так, чтобы он не перевешивал. В Эрдене магия вечно попадалась под руку там, где на Земле я искала бы розетку или помощника. Именно за это я ее и полюбила.

Теперь на каждую такую лапку хотелось смотреть до конца движения.

Нашу вывеску было видно издалека: белые буквы на темно-зеленой доске, «Возьмите на время». Я красила ее сама, стоя на стремянке, и гордилась тем, что ни разу не упала. Под вывеской висела маленькая деревянная ладонь с ключом. Эльма настояла: не все прохожие умеют быстро читать, зато ключ понятен каждому.

У двери ожидал мужчина с мешком льняных полос. Я узнала его по вчерашней записи: вернул складыватель номер два, хотел снова взять такой же на неделю.

— Можно я завтра заберу? — спросил он. — Сегодня уже не успеваю.

Я открыла рот, чтобы сказать привычное «конечно», и посмотрела на щепки в руках Эльмы.

— Завтра я пока ничего не обещаю.

Он нахмурился.

— Я ведь внес задаток.

— Знаю. Если вещь не будет готова, верну.

— Мне нужна вещь, а не деньги обратно.

Так вот она, моя новая жизнь: человек сердился не на чужую хозяйку, которой я могла позвонить и передать неприятность. На меня. На мою вывеску. На мои уверенные слова.

— Тогда я скажу вам сегодня до вечера, — ответила я. — Чтобы вы успели найти другую.

Он недовольно кивнул и ушел. Я подняла ставню, впустила свет и впервые за месяц не обрадовалась чистым полкам. На девяти из двенадцати мест стояли мои помощники. Три были у людей. Я знала, где каждый. До сегодняшнего утра мне казалось, что этого достаточно.

Эльма убрала сломанный футляр под прилавок.

— Чай поставить?

— Стол освободить.

Она посмотрела на меня, потом молча сняла с него вазу с ветками. Я закатала рукава. До прихода Теобальда Ренна оставалось меньше двух часов. Мне предстояло доказать, что дело не в плохой хозяйке проката.

И очень хотелось, чтобы он не заметил, насколько я сама в этом сомневаюсь.

Глава 2. Вещь после возврата

На дне ящика со складывателем лежала пуговица. Маленькая, костяная, от чужой рубашки. Я положила ее рядом с квитанцией и подняла прибор за обе ручки.

— Номер два, — сказала Эльма. — Вернули вчера перед закрытием. Чистый, целый, плата внесена.

— Он ничего не говорил?

— Что за вечер сложили больше полотен, чем за три обычных. И что жена теперь хочет такой купить.

Я осмотрела медную планку. Под ней застряла льняная нитка. Ничего удивительного. У вещей, которыми пользуются, бывают следы работы. В прежней жизни я находила в чехлах от складных столов свадебные ленты, чужие визитки и однажды довольно крупного живого краба. Здесь пока обходилось без крабов.

Но на деревянном основании обнаружилась свежая царапина. Планка достала до самого края. При обычном складывании ей там делать было нечего.

Я провела по следу ногтем.

— Принеси наши старые полотенца.

Эльма принесла три. Два коротких, одно длинное. Я очистила настройку, как учили в мастерской: вынула камень, повернула маленькое колесо до пустого деления, вставила камень обратно. Искра в окошке мигнула. Теперь оставалось показать движение.

Первое полотенце легло ровно. Второе тоже. Третье я сложила вдвое руками, положила под планку. Прибор повторил. Мягко, аккуратно, без малейшего усилия с моей стороны.

Очень хотелось обрадоваться.

Вместо этого я увидела перед собой лицо Нерины три дня назад. Она поставила на прилавок складыватель номер один и сказала:

«Он у меня за ткань цепляется. Словно хочет еще кусок схватить».

Я тогда сделала ровно то же, что сейчас. Взяла полотенце, очистила настройку, показала движение. Прибор сложил. Нерина пожала плечами, я вернула ей часть платы, чтобы не обижать постоянную покупательницу. А на следующий день приехала Севера, которой срочно требовалось подготовить полосы для обивки тридцати стульев.

Номер один стоял на полке свободным.

Я могла сказать о жалобе. Могла предложить другой. Могла хотя бы проверить при Севериной руке, а не показать сама.

Но за дверью ждал человек, которому я должна была заплатить за новый замок. До конца недели оставались плата Эльме и первая полная аренда помещения. Мне хотелось, чтобы предприятие, начатое с такой отчаянной уверенностью, наконец перестало просить денег.

Я сказала: «Проверено».

Теперь это слово не желало выходить у меня из головы.

— Аделина?

Я подняла глаза. Эльма держала раскрытую тетрадь.

— Записать, что номер два исправен?

— Пока нет.

— Что тогда?

— Проверка не закончена.

Она медленно закрыла тетрадь. Не стала ни спрашивать, ни утешать, за что я была ей благодарна. От жалости я бы сейчас только разозлилась.

Теобальд явился сразу после полуденного звона, пешком. Инструменты нес сам. В одной руке у него был кожаный саквояж, в другой — небольшой деревянный ящик. Он остановился в дверях, пропуская покупательницу с корзиной, и прочитал нашу вывеску снизу вверх.

— Она не проверяется, — сказала я. — Просто название.

— У вас слово «время» чуть выше остальных.

— Так легче заметить.

— Разумеется.

Эльма отвернулась к полке. Я прекрасно видела ее улыбку в отражении оконного стекла.

Теобальд поставил деревянный ящик на прилавок.

— Этот глубже вашего. Если не подойдет, подберу другой.

Я подняла крышку. Внутри были перегородки, петли сидели ровно, замок закрывался без усилия. На наружной стороне оставалось светлое место от снятой наклейки.

— Откуда он?

— Из мастерской. Мы хранили в нем насадки.

— Вы оставили насадки без дома.

— Им объяснили обстоятельства. Возражений не было.

Я невольно улыбнулась. Он взглянул на меня с явным удовольствием, и я сразу занялась замком.

— Спасибо. Подойдет.

Эльма представилась. Теобальд кивнул ей так же внимательно, как хозяйке шелка на площади. Не посмотрел поверх головы, не спросил меня, можно ли с помощницей говорить о деле. Еще одна неприятно привлекательная подробность.

Он снял сюртук и повесил на крючок у двери. Под жилетом оказалась рубашка с подвернутыми рукавами. Волосы у него были чуть длиннее принятого у городских мастеров, прядь падала к щеке. Я представила, как он раздраженно откидывает ее во время работы, и решила, что мне срочно нужно посмотреть на прибор.

— Здесь царапина, — сказала я.

Он наклонился. Не тронул дерево сразу, сперва рассмотрел след при боковом свете.

— Кто пользовался?

Я показала запись.

— Сворачивали льняные полосы. Без застежек и металлических частей. Я спросила при выдаче.

— Можно вас? — Он обратился к Эльме. — Покажите, как очищаете.

Она проделала все движения. Я следила за его лицом. Ни одного ободряющего кивка. Ни одного «молодец». Он просто смотрел, а потом попросил повторить настройку на длинном полотенце.

Прибор сработал правильно.

Теобальд поменял полотенца местами, заставил складыватель пройти цикл еще раз, потом еще. На четвертом я не выдержала:

— Да. У нас тоже получается.

— Тогда что вы предлагаете считать поломкой?

— То, что было на площади. И эту царапину. И жалобу Нерины на вращатель.

— Это три разных наблюдения.

— На вещи из одной мастерской.

Он поставил ладонь на край стола. Я заметила, как у него напряглись пальцы. Кажется, ему стоило усилия не отстранить меня и не переделать все самому.

— Я не отказываюсь смотреть возвраты, — произнес он. — Но если вы заранее решили, что причина одна, любое движение будет казаться доказательством.

— А если вы заранее решили, что ваши вещи исправны, доказательством станет любое удачное полотенце.

Эльма кашлянула.

Мы оба посмотрели на нее.

— Я пойду заберу восьмой у трактирщика, — сказала она. — Все равно срок до вечера. А вы пока договоритесь, кто из вас заранее решил больше.

Она взяла пустой ящик, надела короткую куртку и ушла, оставив нас с безупречно сложенной стопкой.

Теобальд молчал несколько секунд. Потом взял одно полотенце, развернул и положил мне на руки.

— Покажите не удачный случай. Покажите то, что вас насторожило.

Это было сказано без снисхождения. Я перестала придумывать ему ответ.

Мы вернулись к утреннему показу. Я рассказала, как хозяйка шелка сдвинула короткий отрез, как планка пошла дальше и что делал помощник. Теобальд попросил меня пройти за стол и показать, где именно я стояла. С этой стороны дверь оказывалась за моей спиной, свет падал прямо на рабочую поверхность.

— Вы видели остановку до того, как она взялась за рукоять?

— Да. На длинной полосе. Вы делали сами.

— Потом короткая.

— И вы не трогали ее руку. Она повторила движение за вами.

Он нахмурился. Я опять положила полотенце на стол, и ткань зацепилась за расстегнутый браслет на моем запястье.

— Постойте.

Теобальд взял край полотенца, освобождая застежку. Пальцем он не коснулся моей кожи, но я все равно почувствовала, насколько близко стоит. У него на подбородке виднелась крошечная светлая полоска старого шрама. Я не помнила ее с покупки. В мастерской было проще смотреть на цены.

— Уберите браслет, — сказал он.

Я сняла его и положила рядом с костяной пуговицей.

— Вы всем так приказываете?

— Только тем, кто собирается зацепиться за привод.

— А остальным?

Он поднял взгляд.

— С остальными бывает сложнее.

Ответ прозвучал чуть иначе, чем предыдущие. Я не стала выяснять почему. Расправила полотенце слишком старательно, разгладила несуществующую складку и вернулась к демонстрации.

Он проверил размыкатель. Объяснил, что штырь прерывает заряд, но уже поднятая рама или прижатая планка могут остаться под тяжестью груза. Я показала новый футляр.

— Вторым жертвовать не хочу.

— Подойдет обычный брусок. У вас есть?

Я принесла два из ящика под прилавком. Теобальд не рассмеялся, хотя я держала там и молоток, и запасной дверной крючок, и кусок толстой кожи, который еще в прежнем мире привыкла держать под рукой. Он подставил брусок, разгрузил прижим, вынул штырь. Медленно. Так, чтобы я видела порядок.

Затем отступил и дал повторить мне.

Ничего нового он не объяснил. Но впервые за утро я перестала злиться на его присутствие.

— Когда у вас закончится этот показ? — спросила я.

— Сегодня. Дальше готовим отправку.

— Куда?

— В нижние города. Ильва Грау собирает прокатные точки вдоль реки. Тридцать шесть приборов, отправление через шесть дней, в полдень.

Я посмотрела на три аккуратные стопки. Тридцать шесть. Втрое больше моей партии.

— Вы успеете проверить их на чужих руках?

— Их проверяют перед отправкой.

— Не это спросила.

Он поднял полотенце с царапины. Под его ладонью дерево показалось совсем светлым.

— Сначала зайдем к вашей Нерине, — сказал он.

И впервые за весь день я услышала в его голосе не готовый ответ, а желание его получить.

Глава 3. Второй человек

Нерина ждала нас во дворе между лавкой и красильней. На веревках сохли узкие полосы ткани. В дальнем конце двора стоял длинный стол с валом для намотки, а рядом, на перевернутом ведре, сидела женщина с лицом человека, который больше никуда не уйдет, пока не получит свое.

— Моя покупательница, — сказала Нерина. — Ей нужен отрез. Мне нужно его отмерить. Нам обеим хотелось бы сделать это сегодня.

Она была маленькая, крепкая, с негнущимся указательным пальцем. Именно из-за него и взяла вращатель. Я тогда обрадовалась первому человеку, которому моя новая затея пригодилась по-настоящему, а не ради любопытства.

Сейчас смотреть ей в глаза было неприятно.

— Эльма сказала, вы вынули камень.

— И штырь. Все, что сумела, вынула. Не хотела, чтобы ты потом сказала, будто я оставила его работать.

— Я не собираюсь так говорить.

Нерина посмотрела на Теобальда.

— А вы собираетесь?

— Я пока ничего не видел, — ответил он.

— Так смотрите.

Она сняла со стола холстину. Медный вращатель стоял в деревянной колодке, цепляясь короткой лапкой за рукоять вала. На его боку была моя метка: черная семерка внутри зеленого круга. Рядом лежали вынутый штырь и зарядный камень. К ткани никто не прикасался.

Теобальд сначала проверил крепление. Нерина сложила руки на груди.

— Он у меня не шатался.

— Вижу.

— И ткань не была мокрой.

— Хорошо.

— И больше положенного я не наматывала.

Он выпрямился.

— Госпожа Фосс, я спросил только, где у вас стол.

Женщина на ведре неожиданно засмеялась. Нерина сердито посмотрела на нее, потом тоже дернула губами.

— Потому что обычно спрашивают так, будто вещь уже ни при чем. Ладно. Я покажу.

Теобальд не дал вставить камень сразу. Попросил освободить рабочий край, снять полотно с вала и положить на скамью. Нерина подчинилась, но быстро, с каждым движением добавляя ему новую порцию недовольства. Я держала ткань, чтобы она не волочилась по земле, и чувствовала, как у меня под пальцами перекатываются плотные нити.

В этом дворе я впервые познакомилась с местной хозяйкой, которая спросила не «откуда ты такая», а «сколько за сутки». Тогда это показалось началом настоящего дела. Теперь передо мной лежал ее испорченный день.

— Здесь, — сказала она, положив ладонь на рукоять. — Три оборота. Потом снимаю полоску, закрепляю следующую. Сегодня он сделал еще почти пол-оборота. Я думала, плохо показала. Очистила, поставила снова. То же самое.

— Вы пытались удержать?

— Нет. Куда мне.

Она показала негнущийся палец. Теобальд кивнул и подложил под вал деревянный клин. Потом установил прибор так, чтобы лапка вращала пустую рукоять, не наматывая ничего.

— Можно ваш уголь? — спросил он.

Я взяла со стены обломок и подала. Он отметил на диске начало движения, провернул рукоять три раза, остановил. Искра мигнула. Прибор повторил ровно три оборота.

Нерина молчала.

Он проделал то же еще раз.

— Вот теперь, — сказал он, отступая.

Нерина сердито поставила ладонь на рукоять, словно хотела поймать прибор на лжи. Три оборота. Пауза. Снятая рука.

Медная лапка тронулась, прошла один круг, второй, третий. Угольная черта скользнула мимо моей ладони и потянулась дальше.

— Стоп, — сказала я.

Теобальд уже вынул штырь. Лапка застыла чуть ниже отметки. На пустом валу это выглядело почти смешно: деревянная рукоять недотянула до нижнего положения и зависла, будто забыла, что ей делать.

Нерина ткнула в нее пальцем.

— Я не придумываю.

— Вы не придумываете, — подтвердил Теобальд.

Я ждала, что он сейчас объяснит. Неправильное крепление. Воздух слишком сырой. Угольная отметка неровная. Что-нибудь убедительное, гладкое и совершенно не подходящее тому, что мы видели.

Но он только приблизился к столу и осмотрел окошко. Затем проверил диск, муфту, свободный ход рукояти. Он передал мне красный штырь. Я сжала его и вдруг поняла: Теобальд не знает.

Это было заметно не по растерянности. Теобальд не растерялся. Но теперь дослушивал каждый вопрос.

— Кто пользовался до вас? — спросил он.

Я назвала предыдущего клиента, сверившись с записью Эльмы. Мужчина брал прибор на двое суток, возвращал лично. Жалоб не было. Что именно наматывал, я помнила: узкую тесьму на большие катушки.

— Он показывал работу при возврате?

— Я показывала.

— А он?

— Нет.

Теобальд посмотрел на меня, но ничего не сказал. От этого было хуже, чем от замечания.

Я передала штырь, положила ткань на скамью и подошла к рукояти.

— Давайте я.

Он очистил настройку, убрал клин и дал мне место. Мои три оборота прибор повторил ровно. Я сделала еще один короткий цикл. Ничего. Ни лишнего рывка, ни задержки.

— Слабый след, — тихо сказал Теобальд.

Я отняла руку.

— Это недостаток?

— Это свойство. Заряд дает камень, а рука только задает движение. Силы должно хватать любой взрослой ладони.

— Моей хватает?

— Как видите.

Нерина подошла после меня. Мы все смотрели на вращатель. На этот раз он остановился почти правильно. Почти: угольная черта оказалась дальше на ширину ногтя.

Теобальд потер подбородок, оставив на коже черное пятно.

Мне отчаянно хотелось указать на него. Какая-то упрямая часть меня искала возможность вернуть разговор к нормальным, человеческим вещам: вот мужчина, вот уголь, вот его упрямое лицо. Но на столе стоял мой прибор, который у одной женщины работал, у другой нет. Я промолчала.

Покупательница поднялась с ведра.

— Пока вы разбираетесь, можно я получу свой отрез руками?

— Конечно, — сказала я быстрее Нерины. — Давайте помогу.

Мы разложили ткань вдоль стола. Теобальд отнес вращатель на свободную скамью и придержал дальний конец. Нерина отмерила длину, я натянула край. Так, втроем, мы сделали за минуту то, ради чего полчаса мучили медную лапку.

— Для такого дела мне придется нанять дракона, — заметила покупательница.

— На целый день не рекомендую, — ответила я. — Начнет переставлять стол.

Теобальд поднял глаза.

— Он у вас стоит поперек света.

Нерина фыркнула. Покупательница расплатилась, спрятала ткань и ушла. Во дворе сразу стало тише.

Я вернула Нерине плату за день и предложила оставить вращатель у нас до выяснения причины. Она пересчитала монеты, но в карман не положила.

— А завтра мне что делать?

— Я могу прийти на час утром. Пока не откроемся.

— Ты сама сколько потеряешь на этом часе?

— Меньше, чем на словах, которым перестанут верить.

Нерина посмотрела на меня долго, потом убрала деньги.

— В половине девятого. Не раньше. Я до этого домом занята.

Я кивнула. Мне хотелось поблагодарить ее за то, что не устроила крика, но благодарность сейчас выглядела бы слишком удобной. Она не была обязана облегчать мне день.

Теобальд положил вращатель в мой новый ящик. Нерина проводила нас до ворот, а потом вдруг коснулась его рукава.

— У меня сестра за рекой живет. Я ей ваш советовала. Если это не я плохо делаю, скажите мне сразу.

— Скажу, — ответил он.

Без добавления «но пока не волнуйтесь». Я оценила это больше, чем хотела показать.

На улице он остановился у водяной колонки, смочил платок и принялся стирать уголь с рук.

— На подбородке тоже, — сказала я.

Он провел по щеке.

— Ниже. Слева.

Попал мимо.

Я протянула руку, но остановилась, не коснувшись его лица. Он посмотрел на меня с той короткой улыбкой, которую я уже начинала узнавать, и наклонил голову.

Я забрала платок, стерла пятно. Совсем обыкновенное движение. Я делала такое десятки раз: у подруги смазалась краска, у коллеги на щеке прилипла нитка. Но сейчас вдруг стало трудно одновременно смотреть и дышать спокойно.

— Все, — сказала я и вернула платок.

— Благодарю.

Он спрятал его, поднял ящик. Я потянулась за ручкой.

— Это мой.

— Вижу по тому, как вы на него смотрите.

— Я могу нести.

— Можете. Но я тоже иду в вашу сторону.

Я отпустила ручку. Если бы мы спорили из-за каждого килограмма, до проката не дошли бы.

У поворота к мастерской его окликнул молодой посыльный. Ренн передал через него короткое поручение Бертрану Ковелю: встречу с перевозчиком перенести на вечер, запасные детали погрузочных приводов не закрывать в ящики.

— Каких приводов? — спросила я, когда посыльный ушел.

— Два пробных. Для пристани. Их забрали еще на прошлой неделе, но работать начнут перед отправкой основной партии, на шестой день. До этого собирают раму.

— Ваши повторители умеют поднимать груз?

— Повторять движение лебедки. Груз держит сама рама, упоры и люди, которые ее собирают. Медная лапка не заменяет всю пристань.

— Очень полезное уточнение. На утреннем показе его бы не помешало произнести.

Он посмотрел на меня искоса.

— Вы не устаете?

— Иногда. Обычно после того, как меня перестают слушать.

— Тогда сегодня вам грозит тяжелый вечер.

Я уже приготовилась ответить, когда он добавил:

— Я собираюсь слушать дальше.

Смешная вещь: от этих слов у меня потеплели уши. Ни комплимента, ни обещания. Всего лишь человек отказался свернуть к себе домой после первого неудачного опыта.

У двери проката он остановился.

— Где следующий прибор, который вас беспокоит?

Я посмотрела на зеленую вывеску. В доме Северы стоял номер один. Тот самый, про который я могла рассказать сейчас. Достаточно было сказать: «Я уже слышала похожую жалобу».

Вместо этого я ответила:

— За городом. У Северы Дорн. Я хочу проверить его на месте.

— Завтра утром поедем.

— У вас встреча с перевозчиком.

— Теперь вечером. Я только что ее перенес.

Я кивнула и открыла дверь. Теобальд вошел следом, доверчиво не задав того единственного вопроса, на который мне меньше всего хотелось отвечать.

Глава 4. Слишком удачная проверка

К нашему возвращению Эльма успела вымыть пол, забрать восьмой вращатель и поссориться с человеком, который хотел получить подъемник на три дня по цене одного.

— Он сказал, что это только попробовать, — сообщила она. — Я предложила попробовать один день. Очень удивился.

Теобальд поставил ящик на стол.

— Седьмой пока не выдавать, — сказал он.

— Я его даже на полку не поставлю, — ответила Эльма. — А остальные?

Я взглянула на девять привычных мест, на принесенный ею восьмой, на седьмой в ящике. Одиннадцать у нас. Один у Северы. Еще утром я считала пустую полку признаком того, что дело наконец движется.

— Остальные тоже пока не выдаем.

Теобальд повернулся ко мне.

— Мы не установили общую причину.

— Поэтому я и не знаю, какой можно отдать.

— Подъемники устроены иначе.

— Рука задает им движение?

— Да, но нагрузка...

— Я не хочу угадывать на чужой вещи.

Он замолчал. Эльма сняла с крючка зеленую дощечку «Свободно» и перевернула ее пустой стороной. Маленькое движение оказалось хуже любого спора.

В тот же момент вошла покупательница за подъемником. Пухлая женщина в коротком плаще держала под локтем свернутую лестницу. Увидев нас всех вокруг стола, она оживилась:

— Как хорошо, что мастер здесь. Покажете сразу?

Мне пришлось объяснить. Без лишних подробностей, но и без привычного «ничего страшного». Я сказала, что приборы временно не выдаются, потому что у двух обнаружилось неправильное движение после смены пользователя. Что ее подъемник проверялся успешно, но я пока не уверена, достаточно ли этой проверки.

Женщина посмотрела на Теобальда.

— А вы уверены?

Он ответил не сразу.

— Я могу сейчас проверить его вместе с вами. Однако причина жалобы на другой прибор еще не выяснена.

— Мне не до ваших причин. Я полки переставляю. Завтра приедут люди, послезавтра привезут стекло. У меня все договорено.

— Верну задаток, — сказала я.

— А время вернете?

Я ничего не ответила. Вопрос был справедливый, хотя очень хотелось отделаться какой-нибудь острой фразой. Женщина забрала деньги, свернула мою расписку в тонкую трубочку и переломила пополам. Ушла, даже не хлопнув дверью. Я бы предпочла хлопок.

Эльма сразу открыла тетрадь.

— Еще трое на завтра.

— Предупредим сегодня.

— К одному нужно сходить. Он живет над лавкой бочара, посыльный не найдет.

— Я схожу.

— Ты уже обещала Нерине. И к Севере собираешься.

В ее голосе не было упрека, но я услышала его сама. Вскоре все мое предприятие могло состоять из женщины, которая бегает по городу и просит прощения. Для этого двенадцать медных помощников не требовались.

Теобальд закрыл саквояж.

— Госпожа Мартова, я предлагаю вернуть стоимость всех двенадцати приборов. Вы сдаете их нам, мастерская разбирается со своей продукцией. Если решите приобрести другую партию позже, обсудим заново.

Эльма подняла голову.

Предложение было ясным. Деньги обратно. Можно купить обычные тележки, складные столы, лестницы, которые не обучаются под чужую руку. Не нужно спорить с драконом, ездить за город, слушать недовольных людей. Месяц потерян, зато не все сбережения.

Я спросила:

— А если у клиентов испорчена ткань?

— Разберемся с ущербом, если он связан с прибором.

— А за потерянный день Нерины?

— Я не могу возместить любое неудобство до выяснения обстоятельств.

— Понимаю.

— У вас такой тон, будто нет.

Я облокотилась на прилавок. Пальцы сами нашли костяную пуговицу, оставленную после возврата. Я перекатывала ее по дереву, пока не заметила, что Теобальд следит за движением.

— Я понимаю, что вы не можете выдать мне кошелек и сказать: берите сколько нужно. Я и не прошу. Но если сегодня отнесу вам все, у Северы по-прежнему будет стоять мой прибор. А Нерина по-прежнему будет помнить, что я сказала ей: проверено. Мне придется разобраться хотя бы с тем, что уже выдала.

Он внимательно посмотрел на меня. Я остановила пуговицу.

— Вы можете принять возврат после этого? — спросила я.

— Могу.

— Без требования решить сейчас?

— Это не ловушка. Я предлагаю выход.

— Тогда оставьте его открытым до возвращения из поездки.

Теобальд кивнул. Эльма снова опустила глаза в тетрадь, и я заметила, что напряжение в ее плечах не исчезло.

Я попросила дракона подождать во дворе. Он не стал спрашивать зачем, надел сюртук и вышел к колонке. Через стекло было видно, как он придерживает дверь соседу с двумя корзинами. Даже делать это ему удавалось с какой-то раздражающей уверенностью.

— Твои деньги лежат отдельно, — сказала я Эльме.

— Ты не обязана угадывать, о чем я думаю.

— Я не угадываю. Ты считаешь возвраты.

Она вытащила из-под прилавка табурет и села.

— Я считаю работу на завтра. Если ты уедешь, мне закрывать лавку или сидеть здесь и каждому объяснять, почему мы ничего не сдаем?

— Лучше закрыть. С оплатой дня.

— А обычные лестницы? А тележка? Они ведь не заколдованы.

Я посмотрела на угол, где стояли три лестницы, большая тележка и два складных стола. Старый знакомый набор, купленный почти между делом, потому что без него прокат казался мне ненастоящим.

— Их можно выдавать, — сказала я.

— Тогда я буду здесь. И разберу бронь. А ты перестань смотреть на меня так, словно я собралась сбежать с кассой.

— Я смотрю не поэтому.

— Знаю. Но денег мне еще ни разу не задержали. Когда задержат, я первая скажу, а не буду намекать плечами.

Я рассмеялась. Негромко, с облегчением, которое оказалось почти болезненным.

— Ты потрясающе выражаешься плечами.

— Многолетний опыт работы у человека, который считал, что стекло бьется от неправильного взгляда.

Она встала, отодвинула зеленую дощечку и написала мелом на обороте: «Магические помощники на проверке. Остальное работает».

Я прочитала и кивнула.

Когда Теобальд вернулся, дощечка уже висела у двери. Он остановился перед ней, будто собирался что-то исправить, но ничего не сказал.

Мы сняли зарядные камни со всех одиннадцати приборов и сложили отдельно. Я обвязала ручки красной бечевкой, чтобы никто не перепутал готовую к выдаче вещь с ожидающей проверки. Эльма записывала номера. Теобальд осматривал муфты и крепления, иногда просил меня подержать корпус или повернуть лапку. Работа шла молча, и это молчание не было неловким.

Пока я поднимала последний складыватель, из кармана выпала плоская темная вещь. Теобальд наклонился раньше меня, но не поднял ее, только придержал ногой, чтобы не уехала под шкаф.

— Можно?

Я кивнула.

Он взял мой телефон. Черный экран отразил свет окна и часть его лица.

— Ваш мир?

— Да.

— Что он делает?

— Сейчас служит зеркалом. Раньше много чего умел.

Теобальд повернул его, заметил треснувший угол.

— Можно открыть?

— Нельзя, — ответила я слишком резко.

Он сразу положил телефон мне на ладонь.

— Хорошо.

Я спрятала его. Девять месяцев назад пыталась найти того, кто вернет ему жизнь. Потом поняла, что даже если экран засветится, звонить отсюда некуда. Но носила по привычке. Некоторые вещи трудно однажды утром оставить на полке.

— Я работала с обычным оборудованием, — сказала я. — Столы, шатры, свет. Все, что люди берут на один праздник, потому что хранить дома негде. Когда попала сюда, решила, что сумею делать знакомое дело. Только вещи будут лучше.

— Они могут быть лучше.

— Знаю. Иначе я бы не купила ваши.

Теобальд посмотрел на полку, где зеленые номера пересекала красная бечевка.

— Сколько вы здесь?

— Девять месяцев. Через два дня будет ровно девять.

— И уже свое дело.

Я ждала того самого снисходительного одобрения, к которому приготовилась заранее. Он вместо этого спросил:

— Чего вы хотели добиться к концу первого года?

Я растерялась.

— Выкупить тележку получше. Нанять человека для доставки дважды в неделю. Перестать таскать все на себе.

— Понятный план.

— А ваш?

— Перестать доказывать Бертрану, что новые помощники годятся не только для одного дома.

Я оглянулась на дверь.

— Кажется, мы оба выбрали неудачный день для проверки успехов.

Он улыбнулся, но на этот раз невесело.

К вечеру пришли еще двое. Я вернула один задаток, второй покупатель согласился на обычную тележку. Эльма выписала ему квитанцию, и первая небольшая плата за день показалась мне неприлично важной. Теобальд дождался, пока мы закончим, потом подхватил саквояж.

— Завтра в девять?

— Я к Нерине в половине девятого. Нужно помочь с тканью.

— Тогда в половине десятого у ее лавки.

— Дорога к Севере не близкая. Вам точно нужно ехать самому?

— Вы мне весь день доказывали, что нужно.

— Это было утром. Я успела устать.

— А я успел понять, что вы не любите напрасно тратить свое утро.

Он вышел. Я осталась с рукой на дверной задвижке и почему-то не закрыла ее сразу. На улице становилось прохладно. Теобальд повернул к мастерской, не оглянувшись.

— Красивый, — сказала Эльма за моей спиной.

— Дорогой, — ответила я.

— Я про мужчину.

— А я про последствия знакомства.

Она усмехнулась и стала убирать кассу. Я закрыла дверь, сняла вывеску с крючка и прислонила ее к стене. День закончился, но завтра уже было занято человеком, которого еще утром я собиралась поставить на место.

Пока получалось только все чаще замечать, когда он уходил.

Глава 5. Место рядом

К половине десятого я успела помочь Нерине с шестью отрезами, поругаться с рулеткой и выпить на ходу холодный отвар из ягод. Теобальд ждал у ворот в открытой двуколке. На сиденье рядом с ним лежала подушка.

— Это для прибора или для меня? — спросила я.

— Прибор поедет внизу.

— Разумно. Он вам уже дорого обошелся, но я пока больше разговариваю.

Теобальд спрыгнул, взял у меня дорожный ящик и убрал под сиденье. Я увидела кожаные ремни, которыми он собирался его закрепить, и впервые с утра улыбнулась без усилия.

— Хорошо, что вы это взяли.

— Я тоже умею возить вещи.

— Мне просто приятно не объяснять.

Он придержал борт, пока я поднималась. Подушка оказалась плотной, сиденье широким. Я устроилась, поставила ноги на поперечную доску и поняла, что действительно устала. Еще не начался день, а мне уже хотелось прислониться к чему-нибудь надежному.

Теобальд сел рядом. Я предпочла смотреть на дорогу.

За городскими воротами пахло мокрой землей и лошадиным кормом. Вдоль канавы тянулись невысокие кусты с белыми ягодами. Я знала, что они несъедобны, потому что однажды спросила у продавца на рынке, можно ли сварить из них варенье. Он так долго смеялся, что ответ я запомнила на всю жизнь.

— Вы часто ездите к покупателям? — спросила я.

— Когда дело нельзя решить в мастерской.

— Значит, редко.

— Вы уже придумали за меня ответ?

— Проверяю предположение.

Он хмыкнул и передал поводья в другую руку, чтобы пропустить телегу с сеном.

— Редко, — признал он. — Обычно люди приносят вещь сами. Мне удобнее видеть ее на своем столе.

— А человеку удобнее, чтобы она работала на его.

— Я начинаю подозревать, что вы готовили этот разговор всю ночь.

— Ночью я считала деньги. Разговор получился сам.

Я пожалела о последней фразе, как только сказала. Теобальд не стал спрашивать, сколько у меня осталось. Он смотрел вперед, придерживая лошадь на спуске. У него были уверенные, спокойные руки. Одну манжету стягивала узкая кожаная полоска, без камней и драгоценной оправы. Я поймала себя на том, что рассматриваю ее дольше, чем нужно.

— Это от царапин? — спросила я.

— От привычки цеплять рукавом все подряд. Держит манжету.

— Я думала, что драконам царапины не страшны.

— Рубашкам страшны. Я их покупаю не реже людей.

Мне стало смешно. Он чуть повернул голову, и я заметила, что ему нравится этот звук. Не могу доказать. Просто уголок рта у него дрогнул раньше, чем появилась улыбка.

Дорога у реки сузилась. Впереди стояли две телеги, а за ними — очередь к низкому парому. Я бывала здесь только один раз и тогда потеряла полчаса, пытаясь понять, кто кому уступает. Теперь Теобальд спешился и пошел договариваться с паромщиком. Я осталась держать поводья и наблюдала, как он разговаривает: спокойно, чуть склонив голову к невысокому паромщику, выясняет, когда можно переехать.

На обратном пути он помог женщине поднять из канавы упавший мешок. Ни одного взгляда в мою сторону. Я увидела это только потому, что смотрела на него постоянно, что уже само по себе было тревожным обстоятельством.

— Двадцать минут, — сказал он, садясь. — Сначала пустят телеги с той стороны.

— Можно было объехать по мосту.

— Можно. Еще час.

— А полететь?

Он посмотрел на меня.

— Вы хотите?

Я не ожидала, что он спросит серьезно.

— Я выясняю возможности.

— Для пассажира нужна подвеска. Для ящика — отдельное крепление. Лошадь придется оставить. Севера ждет нас по дороге, а не с неба. Сегодня двуколка удобнее.

— Понятно.

— Но когда-нибудь можно полететь без ящика и лошади.

Он сказал это ровно, глядя на воду. Я не поняла, относилось ли «можно» ко всем желающим или ко мне. Уточнять не стала. В сорок пять лет я вполне могла задать прямой вопрос. Именно поэтому предпочла заняться узлом на своем шарфе.

На воде мелькнула узкая лодка. Две женщины гребли в разные стороны и спорили так громко, что паромщик крикнул им не приближаться к тросу. Одна засмеялась, вытащила весло, и лодку развернуло поперек течения. Вторая бросила грести тоже. Несколько мгновений они просто сидели, смотрели друг на друга и хохотали.

Я улыбнулась.

— Мне все время кажется, что я должна сначала научиться, а потом уже пробовать.

— Грести?

— Все, что не нужно для работы.

Теобальд проводил лодку взглядом.

— Для первого раза лучше вода поспокойнее.

— Вот видите. Даже отдых нуждается в подготовке.

— Но не в девяти месяцах подготовки.

Я посмотрела на него. Он помнил, сколько я живу в Эрдене. Мелочь. Совершенно естественная память человека, который разговаривал со мной вчера. И все равно она меня порадовала.

На паром мы въезжали последними. Я слезла, чтобы облегчить двуколку, и прошла по скользкой доске первой. Под подошвой хрустнул песок. Теобальд удерживал лошадь, пока паромщик ставил колодки под колеса. В этот момент ремень под сиденьем ослаб, ящик поехал вперед и уперся в борт.

Я подхватила его за край.

— Оставьте, — сказал Теобальд. — Сейчас закреплю.

— Он раскроется.

— Я вижу.

— Тогда держите лошадь. Я знаю, где у него замок.

Он хотел возразить, но уже не было времени: паромщик оттолкнулся шестом, доски качнулись. Я прижала ящик коленом, продела ремень под перекладину и потянула. Кожа скользнула по ладони.

— С этой стороны, — сказал Теобальд и подал мне свободный конец.

Я повернула пряжку, он удержал натяжение. Мы затянули ремень вместе. Ящик перестал двигаться.

Когда я выпрямилась, он все еще стоял близко. Паром качнулся снова, и я машинально схватилась за его предплечье. Под тканью оказалась теплая твердая рука. Совсем не то, о чем следовало думать, пока под ногами вода.

— Теперь можно отпустить, — сказал он.

Я отняла руку.

— Я знаю.

— Я имел в виду ремень.

Свободный конец я действительно продолжала сжимать. Теобальд не засмеялся, и это было хуже. По лицу я видела, чего ему стоило удержаться.

— Можете, — сказала я.

— Что?

— Смеяться. Я бы на вашем месте не сдерживалась.

Он рассмеялся. Не тем коротким смешком, которым вчера отмечал удачную реплику. Открыто, запрокинув голову. У глаз появились мелкие складки, и я вдруг увидела человека его возраста, а не красивого уверенного мастера за прилавком. Мне стало легче рядом с ним. И опаснее.

На другом берегу пришлось помочь паромщику вытолкнуть двуколку по мокрому настилу. Теобальд снял сюртук, передал мне и уперся плечом в борт. Я держала поводья и не позволяла лошади дергаться. Мы выбрались без происшествий, но на его рукаве остался широкий след грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.